

Марина МИХАЙЛОВНА ФРОЛОВА
Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения
Российской Академии наук

АЛБАНСКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ОХРИДСКОГО
КАЙМАКАМЛЫКА ПО ДОНЕСЕНИЯМ РОССИЙСКИХ
ДИПЛОМАТОВ (60-Е ГОДЫ XIX В.)

II часть

М.А. Хитрово вернулся из отпуска к месту консульской службы в Битоле 10 сентября 1863 г. Он сразу обратил внимание на то, что власть турецкого правительства внутри страны со времени черногорской войны 1862 г. значительно окрепла. Порта «с ловкостью» сумела воспользоваться внешнеполитическими событиями и состоянием «нравственного упадка и уныния» «своих разочарованных христианских подданных», чтобы найти «новые элементы силы и стойкости». Хитрово считал, что укрепление власти на местах произошло из-за нескольких причин. «Черногория была в первый раз решительно побеждена и преклонила голову под условия победителя». Слава «черногорского имени» между албанскими племенами померкла, «они утратил и веру в непобедимость ее оружия и теснее примкнули к турецкому правительству. Впечатление, произведенное вестью о поражении Черногории на умы христиан, было разрушительно, долго никто не хотел верить этой весте. Но когда истина стала очевидна, уныние и апатия заменили внезапно недавние теплые надежды».¹

Порта переменила свою тактику по отношению к албанцам, «этого полудикого и воинственного народонаселения, почти враждебно

---

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 213, оп. 536, д. 2, л. 53 об., 54, 55.

к ней расположенного». Ей были необходимы его симпатии, но также следовало обуздать независимость Дебара и постепенно привести этот край «в то положение, в каком находятся другие провинции Турции». Новым шагом в этом направлении стало перенесение местопребывания охридского каймакама из Охрида в Дебар «для ближайшего надзора за дебарским народонаселением». Однако ожидаемых результатов эта мера не принесла, так как каймакамы назначались из Стамбула из турецких чиновников. Они не были знакомы с местными условиями, не имели в своем распоряжении никакой военной силы, не могли предпринимать «никаких решительных мер против буйства враждебно к ним расположенного народонаселения и против учиняемых им беспорядков». Кроме того, эти каймакамы наделялись весьма ограниченной властью, которую контролировала и при необходимости парализовала турецкая администрация в Битоле. Как только каймакам решался на какую-либо строгую меру, на него тут же поступали жалобы в Стамбул, и каймакама снимали с должности. Таким образом, дебарские каймакамы беспрестанно сменялись.

В 1861 г. турецкие власти, занятые волнениями в Герцеговине и обеспокоенные тайным участием в них Черногории, оставили практически без внимания Дебарский край, где мусульманское албанское население чувствовало себя совершенно независимо. Здесь в ноябре 1861 г. дебаряне открыто восстали против каймакама, который бежал из своей резиденции в Тирану, «где он и оставался долгое время, не смея показаться среди буйного дебарского народонаселения».² В Долно-Дебаре также прошли значительные волнения: мусульманское население разделилось на две партии, между которыми завязалось сражение, было убито с обеих сторон 29 человек.

Хитрово с тревогой писал, что в этом регионе возросший мусульманский фанатизм угрожает христианам. Даже казачий полк, состоявший из христиан, под общим командованием известного Садык-паши (Михаила Чайковского), при проходе в конце мая 1861 г. через Скопье был встречен выстрелами.³ Омер-паша в качестве наказания

² АВПРИ, ф. 213, оп. 536, д. 2, л. 40.

³ Там же, ф. 161/1, оп. 181/2, д. 1184, ч. 1, № 142, л. 142 об.

определил в Скопье на зимние квартиры не один, а два полка из христиан – казачий и драгунский.⁴ По их прибытии в город, писал Хитрово 16 ноября 1861 г., жители отказались дать квартиры солдатам из христиан, в Скопье начались волнения, вследствие чего казаки были немедленно отозваны обратно в Битолау.⁵

Бунт в Дебаре в 1861 г. был оставлен без последствий, но каймакам все же был сменен. Порте пришлось пересмотреть свое отношение к албанской знати, которую она в течение многих десятилетий упорно отстраняла от административных должностей, поскольку назначение в Албанию стамбульских чиновников оказалось неэффективным. Были прекращены преследования албанской знати и влиятельным албанским беям были поручены многие административные должности. Впрочем, властью на местах наделялись не местные беи.

Новый каймакам Джелал-паша, потомок наследственной феодальной семьи, в прежние времена управлявшей областью Мат в Северной Албании, был возведен в звание паши за участие в турецко-черногорской войне 1862 г. во главе сформированного им албанского иррегулярного войска. Он «ужился» с дебарянами, стал извлекать из своей должности личные выгоды, обогащался взятками и не заботился о наведении порядка во вверенном ему крае. При его управлении беспорядки в Дебаре дошли «до крайних пределов», ее сотрясала борьба кланов, кровная месть, грабежи совершались открыто, дороги стали «совсем непроходимыми, все пограничные местности сделались театром опустошительных вооруженных разбоев, и значение правительственной власти в Дебаре стало еще ничтожнее прежнего»,⁶ – констатировал Хитрово.

Тимаев сообщал в донесении от 17 (29) ноября 1863 г., что битольские власти, серьезно озабоченные постоянными неурядицами в Дебаре, решили поместить там на зимние квартиры часть войск.

---

⁴ *Македония през погледа на австријски консули. 1851-1877/78.* (София, 1994), том 1, № 63, с. 186.

⁵ АВПРИ, ф. 161/1, оп. 181/2, д. 1184, ч. 1, л. 142 об.

⁶ АВПРИ, ф. 213, оп. 536, д. 2, л. 40.

Однако малочисленный контингент не мог принести никакой пользы, а для значительного не было достаточного количества помещений. В январе 1864 г. в Битолю приехал охридский каймакам Джелаль-паша, чтобы поставить перед турецкой администрацией вопрос о принятии, наконец, решительных мер для умиротворения «этой полудикой и только номинально подвластной Порте страны». Было предложено весной расположить в Дебаре на постоянные квартиры 2 батальона регулярных войск, для чего должны были быть построены укрепленные казармы.⁷

Следует сказать, что подобная попытка усмирить Дебар с помощью постоянного размещения в городе войск была предпринята еще в 1860 г., когда началось строительство казармы. Однако дебареяне ее разрушили под предлогом, что земля, на которой возводилось строение, принадлежала не правительству, а одному из их предков, и вообще «громко заявили», что не желают допустить постройки казармы в Дебаре.⁸ Разрешить этот конфликт, умиротворить население, а также укрепить престиж Порты в этом крае поручили специальному эмиссару Осман-бею из свиты великого визиря Мехмеда Кипризли-паши, который в декабре 1860 г. совершал инспекционную поездку по Румелии. Но чем глубже Осман-бей вникал в причины беспорядков с целью их устранения, тем больше натыкался он на препятствия, и, в результате, противоречия между властями и жителями Дебара лишь усилились. А Осман-бей вынужден был спешно покинуть город, чтобы в Битоле просить вмешательства гражданского губернатора и военных.⁹

Для обуздания вольницы в Дебаре и Мате в начале 1864 г. Порта распорядилась сосредоточить в Охриде войска, которые должны были весной выступить в Дебар и обеспечить строительство там каменной казармы. Уже 22 января 1864 г. из Битолы в Охрид были направлены 15 орудий, из Скутари – батальон пехоты и 3 батальона из Стамбула. Все эти войска также предназначались для поддержки

⁷ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 1418, л. 10 и об.

⁸ *Македония през погледа...* № 32, с. 120.

⁹ Там же, № 31, с. 118.

административных мер, которые должны были быть предприняты в Дебаре и Мате и которые могли вызвать нежелательные осложнения.¹⁰

Вместо Джелаль-паши каймакамом в Дебар в 1864 г. был назначен Сулейман-паша, представитель древнейшей и влиятельнейшей фамилии тиранских беев. Им принадлежали «огромные поместья близ Тираны и, между прочим, Круя, древний замок Георгия Кастриота», от которого они производили свой род. Мудирами в Охрид, Старово, Тирану и Дуррес были назначены родственники Сулейман-паши. Вся Центральная Албания оказалась под управлением одной влиятельной фамилии. Поэтому нельзя согласиться с Г.Л. Аршем, автором соответствующей главы в «Истории Албании», который считает, что Джелаль-паша был смещен с должности в результате стамбульской политики «удаления албанских феодалов из центров их влияния и власти».¹¹

Строгими мерами, направленными на обуздание буйств албанских мусульман, Сулейман-паше удалось водворить относительный порядок и некоторую безопасность, что положительно было воспринято христианами. Однако мусульмане были иного мнения, поэтому в Битолу начали поступать бесконечные жалобы и доносы от дебарских беев «с целью избавиться от беспокойного начальника».¹²

Турецкое правительство активно поощряло религиозные и национальные чувства мусульман, чем приобрело их доверие и расположение. Так, в состав сформированной султанской стражи телохранителей были избраны члены многих влиятельных в Албании фамилий. Естественно, они не могли не сблизиться с правящей элитой, а правительство, в свою очередь, через них старалось приобрести влияние и власть в среде албанского населения, что оно не сумело осуществить путем прежних административных строгостей. В ходе реформ Портой формировались жандармские части. В Дебаре батальон

¹⁰ АВПРИ, ф. 161/1, оп. 181/2, д. 1184, ч. 2, № 24, л. 637.

¹¹ Арш Г.Л. «Зарождение национально-освободительного движения». *История Албании*. (Москва, 1992), 159.

¹² АВПРИ, ф. 213, оп. 536, д. 2, л. 40 об. – 41.

башибузуков в национальных албанских костюмах временно исполнял обязанности жандармов. Весной 1865 г. в Призрене и Скопье был создан жандармский полк из трех батальонов. Третий батальон из 500 человек был обязан нести службу в Охридском санджаке, который включал и Дебар. Важно, что дебарским жандармам оставили их национальную одежду, а не экипировали в форму, как в других регионах империи.¹³

В столицу поступали многочисленные жалобы на усилившиеся повсюду разбои. Печальная статистика случаев убийств, ограблений, разбоев постоянно сообщалась русскими и австрийскими дипломатами в Стамбул своему начальству. Хитрово констатировал, что суровая природа гор и малоземелье вынуждали мужчин-дебарян уходить зимой на заработки в города Салоники, Стамбул и др., а на лето возвращаться домой и промышлять разбоем. «Здесь разбой почитается не предосудительным делом, но законным правом завоевания». Дебар сделался центром, из которого каждое лето расходились «во всех направлениях многочисленные вооруженные шайки», наводившие ужас на окрестное население. «Добыча, состоящая иногда из целых стад овец, по возвращении в Дебар продается здесь совсем открыто. Захваченные из христианских сел пленники до получения за них выкупных цен содержатся здесь в заключении»,¹⁴ – писал Хитрово.

Согласно свидетельствам дебарского митрополита Геннадия, эти разбойники не трогали женщин и монахов, а обирали купцов, умыкали членов богатых семейств, за которых требовали выкуп.¹⁵ Они принимали только золото, редко серебро и никогда медь. Шайки, которые состояли из албанцев-гегов, иногда сопровождали свои разбои варварскими истязаниями. Грабежи же с бесчеловечным надругательством были делом не имеющим никакого занятия турок из отставных заптия (жандармов) и поляков,¹⁶ а также

¹³ Там же, ф. 161/1, оп. 181/2, д. 1184, ч. 2, л. 851 об.

¹⁴ Там же, ф. 213, оп. 536, д. 2, л. 125.

¹⁵ АВПРИ, ф. 161/1, оп. 181/2, д. 1184, ч. 1, л. 30 об.

¹⁶ Поляки – сельская стража, набираемая из мусульман, для охраны селений и полей крестьян от разбойников.

праздношатавшейся пьяной турецкой молодежи.¹⁷ Жертвами насилий и разбоев чаще всего бывали безоружные христиане, так как они не имели права защищаться. Христианин знал, что за убийство турка, даже в результате обороны своей собственной жизни, он никогда не найдет оправдания перед турецкими судьями.

По наблюдениям русских консулов, большинство главарей шаяк имели своих покровителей среди богатых беев, которые заседали в кебир-меджлисе. Их чифтлики никогда не подвергались нападениям, и, по словам Хитрово, они содержали «право разбоя на полуофициальном откупу».¹⁸ Генерал-губернатор Битолы Абдул Керим-паша, а также сменивший его в 1862 г. Хаджи Али-паша не предпринимали никаких действенных мер, чтобы как-то бороться против грабежей и насилий, которые стали бичом для региона, особенно для христианского населения.

Так, в начале июля 1864 г. среди бела дня на христианское село Леуново напала шайка в 80 человек из Долно-Дебара под начальством Рам Павана. Местные жители попытались оказать сопротивление, но силы были неравны. Село было разграблено, несколько домов сожжено, 4 человека убито, а 4 молодых людей было уведено в Дебар пленниками, за которых потребовали выкуп в 35 тыс. пиастров. Село находилось в Тетовской нахии, подчиненной нишскому генерал-губернатору Митхад-паше. Он уже тогда пользовался репутацией одного из наиболее деятельных, справедливых и энергичных турецких губернаторов. Митхад-паша немедленно обратился к битольскому губернатору Хаджи Али-паше, прося его содействия в освобождении из Дебара пленных леуновских христиан. Но не видя никаких реальных действий со стороны Хаджи Али-паши, он послал в Дебар разбойникам из казенных денег 35 тыс. пиастров выкупа и в то же время телеграфировал в Стамбул как о случившемся, так и о мерах, которые он принужден был предпринять ввиду бездействия битольских властей. Дебарский разбойник Рам Паван отказался принять казенные деньги и продолжал удерживать христиан в Дебаре. Тогда по приказу из

¹⁷ АВПРИ, ф. 161/1, оп. 181/2, д. 1184, ч. 1, л. 327 об. –328.

¹⁸ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 1416, л. 56.

Стамбула в дело вмешались военные власти Битола. Мушир Абди-паша вызвал из Дебара беев и фисовых старшин, без объяснения им причин вызова. Четырех беев в сопровождении полицейского офицера затем отправили обратно в Дебар для освобождения пленных, а остальных оставили в Битоле в качестве заложников хотя и на свободе, но на поруках и с запрещением оставлять Битолу до тех пор, пока леуновские пленные не будут доставлены в город. Христиан освободили, а вместе с ними и еще одного христианина, который был похищен другими разбойниками из Демир-Хиссара.¹⁹

В сентябре 1864 г. Хаджи Али-паша был смнен Хюсни-пашой, который был генерал-губернатором Салоник и сумел в этом крае навести порядок – обуздать разбойников и несколько смирить албанских беев. Хюсни-паша немедленно сменил многих служащих из прежней администрации, оставив только мудиров городов Старова, Каралан, Кичево и др. На ответственные должности он поставил своих людей, прибывших с ним из Салоник и Стамбула. Потерял свое место и Халиль-бей, потомок старинного албанского рода и один из самых богатых землевладельцев Битола. Он отправился в Стамбул, где провел год, интригуя против нового вали.

28 сентября 1864 г., в присутствии созванных мудиров, многих митрополитов, членов меджлиса и городских старшин как Битола, так и других городов и множества собравшегося народа, новый вали произнес речь, в которой он заявил о своем намерении проводить политику реформ. Хюсни-паша обратился к мудирам с упреками за небрежность и нерадение в исполнении их служебных обязанностей и высказал недовольство турецкому населению за его ненависть к христианам, за убийства и насилия. «Он приводил цитаты из Корана, что христиане поручены Богом мусульманам в виде залога и их надо как рабов защищать и не притеснять». Чтобы пресечь разбой в крае, он предоставлял право любому жителю убивать разбойников и обещал за каждую принесенную голову разбойника от 10 до 40 лир²⁰

¹⁹ АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 1418. 1864, л. 164 об. – 165.

²⁰ В донесении австрийского вице-консула П. Окули от 1 (13) октября 1864 г. приведена другая цифра: от 10 до 50 турецких лир вознаграждения за голову разбойника. (*Македония през погледа...* № 127, с. 330).

вознаграждения. Речь Хюсни-паши закончилась объявлением о его намерении ехать в Дебар, в это разбойничье, по его словам, гнездо, в котором он введет новый порядок – Танзимат и вполне подчинит себе албанцев.²¹

Е.М. Тимаев, сообщая о первых мероприятиях нового вали в донесении от 12 октября 1864 г., выразил сомнение в успехе его планов, поскольку Дебар слишком отличался от Караджово, где Хюсни-паше действительно удалось ослабить влиятельных беев и прекратить разбои. Караджово – небольшой горный массив, ограниченный с одной стороны солунской равниной, а с другой – битольской, где проживало всего несколько тысяч человек. Дебарский же край, гористый, с узкими долинами, простирался «на большее пространство и вмещал в себя густое население, которое, не занимаясь ни торговлей, ни промышленностью, ни даже хлебопашеством, а отыскивает средства своего существования единственно в грабежах». Русский дипломат вспомнил о том, что в 1858 г. мушир (маршал) Абди-паша, черкес по происхождению, «с войсками и пушками не смог с ними справиться». «Вероятно, Хюсни-паша совсем не знает Дебара»,²² – писал Тимаев.

Впрочем, поездка Хюсни-паши в Дебар была несколько раз отложена, и в Дебар он отправился только весной следующего года. Речь Хюсни-паши и его наставления в отношении к христианам не возымели никакого действия на мусульманское албанское население Дебара, о чем убедительно свидетельствовало убийство священника, папы (попа) Стояна, наместника дебарского митрополита. Священник во всеуслышание на чарши (рынке) разъяснял на болгарском языке эту речь нового вали, особо отмечая, что «отныне мусульмане не будут распоряжаться жизнью и имуществом христиан, и каждый может получить то, что ему следует по праву». Из факта убийства папы Стояна албанцем «можно заключить, что албанцы нелегко откажутся от права своей вольницы и нескоро покорятся воле правительства»,²³ – писал Тимаев Н.П. Игнатьеву, российскому посланнику в Константинополе.

²¹ АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 1418, 1864, л. 205–206.

²² Там же, л. 207.

²³ Там же, л. 208.

Однако некоторые подвижки в расшатывании древних традиций дебарян все же начали происходить. Дело в том, что Дебар, несмотря на требования турецких властей, никогда не выдавал им дезертиров или разбойников, искавших там защиту. Известный разбойник Решид из с. Галжиляри близ Кальяри, 18 лет опустошавший вместе со своей шайкой из 62 человек местность Сарыгёл, бежал в Дебар, памятуя о его неписаных законах. Но он был схвачен и приведен в Битолу Салих-беем, который в награду за оказанную услугу получил от Хюсни-паши пару серебряных пистолетов и должность мудира в Долно-Добаре. Это событие нашло в Битоле два объяснения. Одни считали, что Хюсни-паша действительно внушил албанцам страх. Другие утверждали, что только личная месть одного из товарищей Решиды побудила выдать его правительству и что дебаряне «останутся всегда верными своему характеру и никогда не выдадут того, кто ищет между ними спасения».²⁴

Хюсни-паша, хотя и отсрочил свою поездку в Дебар, но не отказался от мысли подчинить себе албанских беев, имевших вес в этом регионе. Вали немедленно вызвал в Битолу членов дебарского меджлиса вместе с другими старшинами и влиятельными беями, всего до 40 человек. Но среди них не было Сали-Марко, который не согласился покинуть Дебар. Хюсни-паша принял дебарских беев с большой предупредительностью, выделил им помещение и дал содержание от себя. В начавшихся переговорах, которые в течение 2-х недель велись «как почти между равными сторонами», паша требовал строгого повиновения и ответственности за грабежи и добился от дебарян того, что они поклялись быть покорными султану и исполнять всякое приказание правительства. Впрочем, вали им не доверял, да и дебаряне не гарантировали точного исполнения каждого приказа из Битолы. Поэтому Хюсни-паша добился от них письменного обещания в исполнении своих требований, которое они долго не решались давать, поскольку ручаться как «за других своих соплеменников», так и «за уничтожение прежних порядков в их стране» «им казалось делом

---

²⁴ Там же, л. 207 об.

невозможным».²⁵ Но вали решил принудить дебарян к круговой поруке, для чего оставил в Битоле четырех из них в виде заложников.

Охридский каймакам Сулейман-паша подал в отставку, которая, однако, не была удовлетворена. Поводом к его отказу от должности явилась невозможность управлять Дебаром при Хюсни-паше на новых основаниях. По вызову Хюсни-паши в Битолу затем прибыли «для принятия приказаний паши» члены меджлисов из Призрена, Дьякова и Малисии.

Но в Дебаре приказы Хюсни-паши встречали явное сопротивление. Австрийский вице-консул П. Окули доносил в Стамбул 3 (15) декабря 1864 г. о том, что Сулейман-паша созвал самых видных албанских вождей из различных сел, чтобы сообщить им новые инструкции. По традиции они прибыли вооруженными. На требование снять оружие, которое стояло первым пунктом этой инструкции, старый Элдин-бей, демонстративно покидая собрание, ответил, что никогда не разоружится и что инструкции его не касаются. Остальные вожди также попрощались с дебарским каймакамом и вернулись в свои горы.²⁶ Хитрово писал 12 декабря 1864 г., что эту инструкцию дебарский каймакам Сулейман-паша даже не осмелился прочитать во всеуслышание в меджлисе, потому что первым условием покорности полагалось снятие с себя оружия во время заседания в меджлисах. Дебарские беи скорее готовы были оставить присутствие, чем выполнить данное требование. Открытое неповиновение было оказано в 20 селах Кучук-Бургаса (Мало Грло) в Горно-Дебаре. В этих селах наотрез отказались от исполнения приказаний Хюсни-паши.²⁷ Впрочем, после запрещения мусульманам носить оружие при себе вошли в употребление небольшие одноствольные пистолеты иностранной работы – сначала в Битоле, а потом нововведение распространилось и далее по региону. Эти пистолеты носились открыто, потому что они были невелики. Но турки в Битоле боялись Хюсни-пашу, и эта боязнь, по наблюдению Хитрово, порождала в них сильное недовольство.

²⁵ Там же, л. 210.

²⁶ *Македония през погледа...* № 131, с. 336.

²⁷ АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 1418, л. 232 об.

Началось активное преследование разбойников. Так, был брошен в тюрьму за участие в разбое Хусейн-бей, брат Абдуррахман-бея, начальника полиции в Старовском каза. Дебарскому бею Сали-Марко из-за угроз вали все-таки пришлось прибыть в Битолю, где от него потребовали выдачи его родственника – разбойника Али Тета. Сали-Марко, который не желал выдавать место его укрытия, посадили под арест, но скоро отпустили с позволением выехать из Битолы.²⁸ Строгость Хюсни-паши к мудирам заставила их заботиться о спокойствии края из опасения лишиться своих мест. Мудирь старались предавать в руки правосудия как можно большее число разбойников, причем в их число попадали виновные и невинные. Таким образом, тюрьмы в Битоле были полны – до 700 человек. Больше половины из них были арестованы за преступления, остальные за долги.

Но жесткость властей порождала ответные действия. Например, власти г. Дьякова, преследуя разбойников в районе Малисии, арестовали нескольких убийц и грабителей. Тогда малисьевцы в отместку напали, в числе 4 тыс. человек, на Дьяково, разграбили его и сожгли несколько домов. Было убито 15 человек. Турецкие власти, полагая, что в Албании началось восстание, послали в Дьяково 3 батальона – по одному из Ниша, Ново-Пазара и Битолы. В Битолю привезли убийцу священника папы Стояна, а его сообщники напали на село Луково, место службы священника, и угнали 500 голов овец. Таким образом, «турецкие власти своими необдуманными действиями увеличивают это зло тем, что вызывают мстителей за поимку и наказание разбойников»,²⁹ – полагал Тимаев.

Одна из принятых мер для поимки преступников состояла в том, что в Битолю привозили жен и детей разбойников, рассчитывая на то, что они сами себя выдадут властям. Этой мерой Хюсни-паша нарушил почитаемый обычай мусульманского быта – неприкосновенность гаремов. Об эффективности предпринимаемых властями мер свидетельствовало то, что были пойманы многие разбойники, в их числе Али Тета и Хуршид Алдандалы. Их заключили

---

²⁸ Там же, л. 222 об.

²⁹ Там же, л. 211 и об.

в битольскую тюрьму. Но накануне байрама в 1865 г., «для польщения чувства самолюбия дебарян», был выпущен на свободу дебарянин Мета Краль, пробывший в тюрьме более 4 месяцев.³⁰ В Битоле прошел слух, что будто бы дебаряне пригрозили, что если новый генерал-губернатор будет с ними и далее слишком строг, «то они содеются³¹ христианами (вероятно католиками), соединятся вместе с мирдитами и вместе будут действовать против правительства».³²

Активная борьба Хюсни-паши с преступлениями резко сократила количество разбоев и убийств. Но против нового битольского генерал-губернатора в Стамбуле развернул борьбу Халиль-бей. Действия вали вызвали критику и в прессе. Смещение Хюсни-паши, по мнению Тимаева, явилось бы «величайшим несчастьем для христиан, на которых в таком случае с удвоенной силою изольется накопившая злоба и сдерживаемая ныне месть мусульманского фанатизма». Победа Халиль-бея означала бы возвращение времен с «разбойничеством, беспорядками и с сильным фанатизмом».³³ «Если Хюсни-паша удержится на месте, то дух христианского населения может скорее ободриться, идея равенства христианина с мусульманином делается популярнее, и после нескольких лет христиане вспомнят свою многочисленность перед магометанским населением, могут об этом обстоятельстве чувствительным образом дать заметить мусульманам»,³⁴ – подчеркивал Тимаев в секретном донесении от 29 марта 1865 г.

Друзья Хюсни-паши, мушир Абди-паша и английский консул в Битоле Кальверт, решили послать в те же газеты в его защиту статьи с положительной оценкой его деятельности. Митрополит Венедикт пригласил городских старшин подписать султану адрес (махзар) с одобрением действий Хюсни-паши. Однако мусульмане восприняли этот адрес с негодованием.³⁵ Впрочем, затем было приказано собрать и

³⁰ Там же, д. 1419, л. 28.

³¹ То есть вновь перейдут в христианство.

³² АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 1418, л. 222 об.

³³ Там же, л. 222.

³⁴ Там же, д. 1419, л. 48.

³⁵ Там же, д. 1418, л. 222 об.

подписи мусульман под махзаром султану с изъявлением благодарности и одобрением деятельности Хюсни-паши. Австрийский вице-консул П. Окули сообщал в Стамбул, что в Битоле этот адрес никто не подписал – ни мусульмане, ни христиане. Население было недовольно, потому что Хюсни-паша собирал налоги и задолженности по налогам чрезвычайно жестко, не взирая ни на какие обстоятельства.³⁶ Кроме того, он не стремился завоевать расположение населения. Исключение составляли только военные, которые благодаря ему исправно получали каждый месяц жалование. «Это единственное хорошее качество вали», – говорили генералы. П. Окули сожалел, что «исключительное корыстолюбие» (в суде вали брал взятки с обеих сторон – с истцов и ответчиков, выигрывал давший больше денег) Хюсни-паши «омрачало имя одного из самых благороднейших гражданских губернаторов».³⁷

В Дебаре албанцы также не соглашались подписывать махзар. Каймакам пригрозил членам меджлиса тюремным заключением, если те не дадут письменного одобрения деятельности Хюсни-паши. Дебаряне возмутились и отказались признавать власть каймакама, который был вынужден в поспешности бежать в Битолю. Хюсни-паша отстранил дебарского каймакама и для успокоения дебарян 26 марта 1865 г. отправил в Дебар находившихся в Битоле дебарских представителей.³⁸ Следует сказать, что дебарян к неповиновению упорно подстрекал Халиль-бей.

Хюсни-паша, хотя и с большим трудом, но приступил с ноября 1864 г. к проведению в Дебаре рекрутской кампании. Дебаряне начали выдавать своих горцев в турецкую армию: по большей части это были люди, искавшие здесь спасения от преследовавшего их закона, или люди, к которым они питали ненависть. Но этот факт в совокупности с тем, что дебаряне стали снимать с себя оружие, являлось свидетельством того, что новые порядки с трудом, но все же

³⁶ *Македония през погледа...* № 136, с. 341.

³⁷ Там же, т. 2 (София, 1998) № 15, с. 33.

³⁸ АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 1419, л. 45 об.

внедрялись в их жизнь, и что они «больше прежнего покорны властям».³⁹

16 апреля 1865 г. Хюсни-паша с многочисленной свитой и в сопровождении эскадрона кавалерийского полка отправился в Центральную и Северную Албанию, а также в район Косово до Призрена. Путешествие продлилось несколько месяцев, и его основной целью было «успокоение умов» в этих краях и набор рекрутов. В Охриде Хюсни-паша лично встретил сопротивление: там ему отказали в наборе башибузуков, которые должны были исполнять обязанности местных жандармов.

Прибыв в Дебар и оценив обстановку, Хюсни-паша переменял свой образ действий. Он предполагал строгими мерами навести страх на дебарян и этим заставить их повиноваться. В Дебар из Битола был отправлен батальон пехоты, который после отъезда вали из Дебара возвратился в Битолу. В городе, наконец, была построена казарма, были установлены посты. Сюда были назначены для постоянного размещения 4 батальона. Однако, когда по требованию Хюсни-паши самый влиятельный из беев Сали-Марко отказался явиться в Дебар, хотя и послал к нему в заложники своего внука, паша начал принимать «очень ласково» тех из старшин, которые к нему приходили, и даже освободил внука Сали-Марко, подарив ему пару пистолетов в серебряной оправе. Кроме того, он раздавал бедным деньги, одежду и даже оружие. Но, как отмечал русский консул Н.Ф. Якубовский, в мае 1865 г. сменивший М.А. Хитрово на дипломатическом посту в Битоле, на подобное великодушие и доброту албанцы смотрели как на слабость и продолжали под разными предлогами отказываться платить недоимки за прошлые годы. Дебаряне опять подали сенед, прося о прощении им старых недоимок и уверяя «в повиновении и полной готовности исправно платить на будущее время все повинности». «Ни строгость, ни доброта не подвинули дело вперед»,⁴⁰ – констатировал Якубовский. С этим Хюсни-паша и покинул Дебар.

³⁹ Там же, д. 1419, л. 22 об.

⁴⁰ Там же, л. 65.

Но его действия получили одобрение в Стамбуле. Великий визирь прислал ему благодарственное письмо за успокоение страны и уничтожение между албанцами кровной мести. Это письмо Хюсни-паша получил во время своего пребывания в Призрене. 2 августа 1865 г. его копия была прочитана в битольском меджлисе при полном собрании его членов. Русский консул Якубовский, тонкий знаток Востока, однако писал, что чувство кровной мести было сильно развито между албанцами, и трудно было поверить в то, чтобы за такое короткое время можно было бы подавить и уничтожить это «чувство дикого албанца», которое «переходит от отца к сыну и передается из рода в род как священный долг» и которое он «хранит как заветное наследство от своего отца». Тем более, что даже во время пребывания Хюсни-паши в Дебаре разборки на почве кровной мести не прекратились, и их жертвой стали 6 человек.⁴¹

В Призрене Хюсни-паша направил свое внимание на ремонт городских зданий и улиц, а также «на приведение в повиновение» албанцев Дьяковского и Ипекского округов, которые, подобно дебарянам, не оказывали «особой готовности платить государственные повинности».⁴² После нескольких недель постоя в Призрене Хюсни-паша отправился в Ипек, затем в Скопье и Велес. Продление этой инспекционной поездки битольского генерал-губернатора объясняли тем, что он собирал деньги и подарки.⁴³ Действительно, в октябре 1865 г. он привез в Битолу 10 миллионов пиастров, которые ему удалось получить с жителей региона, прежде уклонявшихся от уплаты налогов Порте. Через своего родственника вали переправил эту сумму в Стамбул.⁴⁴

Но кровавые стычки в Дебаре продолжались, вопреки заверениям Хюсни-паши об их искоренении. Так, в феврале 1866 г. в результате ссоры двух старшин, Хусейна-бея Коло и Ахмеда-бея, завязался настоящий бой, в котором с обеих сторон было ранено и убито более 20 человек. Необходимо было поставить во главе этого

---

⁴¹ Там же, л. 68.

⁴² Там же, л. 68 об.

⁴³ *Македония през погледа...* № 142, с. 349.

⁴⁴ Там же, № 143, с. 350.

беспокойного края авторитетного среди албанцев человека. Халиль-бей, член уголовного суда в Битоле, имевший большое влияние в Албании, был возведен в звание паши и назначен каймакамом в Дебар. Но он отказался туда ехать, избрав Охрид своей резиденцией. «Эта предосторожность со стороны Халиль-бея, – писал Якубовский 28 февраля 1866 г., – объясняет настоящее положение каймакама в Дебаре, выказывает склонность духа албанцев и намекает на степень важности последнего происшествия, которое бросает особенный свет на донесение Хюсни-паши о восстановлении в последнее время порядка и уничтожения кровной мести».⁴⁵

Весной 1866 г. Халиль-паше все же пришлось приехать в Дебар. Но его пребывание в городе не повлияло на ситуацию в нем, поскольку имели место несколько случаев грабежей и убийств. Кроме того, Халиль-паша стал причиной вооруженного конфликта между двумя дебарскими старшинами. Дело в том, что Халиль-паша назначил начальником полевых стражей Дестана Зупа, отказав в этой должности другому албанцу. Последний со своими товарищами, засев в ущелье Дервента, притока Дрина, открыл ружейный огонь по Дестану Зупу, возвращавшемуся домой со своими приближенными. Были убитые и раненые.⁴⁶

В июле 1866 г. в Центральной Албании возобновились беспорядки, поскольку жители селений Эльбасанского каза, известных под названием Чемерика, отказывались платить следуемые с них недоимки, отговариваясь неимением денег. Мудир Эльбасана приказал задержать 20 человек, главных зачинщиков выступлений, и послал их под присмотром жандармов в Битолу на суд Хюсни-паши. Но по пути они были отбиты албанцами, которые вышли в числе 150 человек, при этом был убит 1 жандарм. Хюсни-паша немедленно отставил эльбасанского мудира от должности, вменяя ему в вину, что при настоящем положении дел, т.е. в связи с критскими событиями, он не должен был прибегать к строгим мерам и тем раздражать албанцев.⁴⁷

⁴⁵ АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 1420, л. 12 об.

⁴⁶ Там же, ф. 161/1, оп. 181/2, д. 1185, л. 47 об.

⁴⁷ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 1420, л. 41 об.

Город Битола из-за восстания греков на Крите вновь стал принимать вид военного лагеря. В июле 1866 г. сюда прибыли 8 батальонов египетских войск (с семью нарезными пушками) под начальством Эмин-паши, которые расположились лагерем недалеко от города. Ожидали еще 6 батальонов, которые должны были быть направлены в Ларису. В июле был объявлен набор башибузуков. По этому случаю Хюсни-пашой были созваны в Битоле албанские беи, а из Охрида приехал Халиль-паша. Было принято решение о том, что Сали-Марко и Сали-бей будут иметь каждый под своим начальством по 2500 человек башибузуков, Абдуррахман-ага – 2 тыс. человек, приматы Тетова и Дьякова Хасан-Делра и Сулейман-бей – также по 2 тыс. человек. Даже разбойник и убийца Хасан Потко (Плоска), албанец родом из Дебара, был выпущен из тюрьмы и возведен в звание капитана башибузуков. Он был отправлен в Албанию, где должен был набрать 1 тыс. башибузуков. Иррегулярные войска должны были включать от 15 тыс. до 20 тыс. человек. Недостающее до этой величины число башибузуков собирались набрать из южных албанцев. Каждому башибузуку было положено 120 пиастров в месяц жалованья и выдача хлеба. Во время черногорской войны жалованье составляло 80 пиастров в месяц.⁴⁸

Албанские беи, недовольные строгими мерами Хюсни-паши, давно хлопотали об удалении его из Румелийского эялета. В письме от 9 апреля 1866 г. Н.П. Игнатъев сообщал Якубовскому о том, что к нему обращались некоторые албанские беи, прося посредничества российской миссии в Константинополе перед Портой для удаления Хюсни-паши. Они передали также записку, где перечислялись разные злоупотребления, совершавшиеся под управлением битольского вали. Игнатъев в частном разговоре с Мехмедом Эмином Али-пашой, министром внутренних дел, коснулся этого вопроса без упоминания имен, на что Али-паша заверил русского посланника в том, что Хюсни-паша будет отозван в самом непродолжительном времени.⁴⁹ Начавшееся Критское восстание заставило Порту выполнить свое обещание. Чтобы не раздражать албанцев в момент, когда требовалась

⁴⁸ Там же, д. 1420, л. 43.

⁴⁹ Там же, л. 16.

их военная помощь, Стамбул пошел на уступки, и осенью 1866 г. Хюсни-паша был снят со своей должности. Новым генерал-губернатором Румелии стал Тевфик-паша, прибывший в Битолу 9 октября 1866 г.

Таким образом, после черногорской войны, по наблюдению Хитрово, власть турецкого правительства внутри страны, несмотря на все злоупотребления, значительно окрепла. Порта сумела воспользоваться военной передышкой, чтобы продолжить сложный процесс по внедрению новых порядков среди албанцев Дебара. Но реформы носили крайне ограниченный характер, и не поколебали местных устоев. К тому же, натиск Танзимата был ослаблен начавшимся обострением Восточного вопроса в связи с Критским восстанием 1866–1868 гг.

Хитрово, искавший силы, которые смогли бы способствовать разрушению Османского государства, не обнаружив их в христианах Битольского края, обратил внимание на албанцев. Разумеется, он видел разобщенность этого народа, который разделяли не только разные религии, кровная месть, вражда между отдельными фисами, но и сама природа Албании, однако в них не было той покорности и униженности, которые русский консул наблюдал постоянно в сельском и городском славянском населении Битольского региона. В своих донесениях в Петербург и российскую миссию в Константинополе Хитрово, привлекая внимание своего начальства к Албании, писал, что здесь «неудовольствия против турецкого правительства с каждым днем возрастают и, бросая глубокие корни в албанском народонаселении, могут рано или поздно представить для Турции опасность едва ли не существеннейшую, чем все призраки пробуждающихся христианских народностей, которые так устрашают Порту».⁵⁰

Однако Хитрово слишком предвосхищал события. Его прогнозам не суждено было осуществиться в 60-е – начале 70-х годов XIX в. Славяне Балканского полуострова все же опередили соседей-

---

⁵⁰ Там же, ф. 213, оп. 536, д. 2, л. 117 об.

албанцев в размахе и зрелости освободительного движения за свои самостоятельные государства.

Библиографија:

1. Арш Г.Л. «Зарождение национально-освободительного движения». *История Албании*. Москва, 1992.
2. Желязкова А. «Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XV–XVIII вв.» *Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы*. Москва, 1986.
3. Запорожец В.М. *Развитие военной организации Османского государства в XVIII–XIX вв.* Москва, 1989.
4. *Македония през погледа на австријски консули. 1851–1877/78.* Т. 1. София, 1994.
5. *Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.* Москва, 1986.
6. Мейер М.С. «Кризис османских имперских порядков: меняющиеся отношения центра и периферии в XVIII в.» *Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура*. Москва, 1990.
7. Никитин С.А. «Крымская война». *Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина*. Москва, 2013.
8. Ортайлы И., «Период Танзимата и последующее административное устройство». *История Османского государства, общества и цивилизации*. Т. 1. Москва, 2006.
9. Сенкевич И.Г. «Новые документы по истории южных славян (Из рукописного наследия М.А. Хитрово)». *Славянский архив. Сборник статей и материалов*. Москва, 1963.
10. Стайнова М. «Ислам и исламская религиозная пропаганда в Болгарии». *Османская империя. Система государственного*

управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. Москва, 1986.

11. Струкова К.Л. *Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX века.* Москва, 2004.

Фролова М.М. «Дело Стерио Бояно»: к вопросу об отправке молодежи из Османской империи на учебу в Россию (60-е гг. XIX в.)». *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах.* Москва, 2012.